

[Четыре главных врат закроются.]

Одной из первых вещей, на которой я испытала свою силу, стала моя кровать.

На самом деле первым стал карандаш, который я превратила в многофункциональный инструмент, кончик которого никогда не затупляется, а ластик исправляет ошибки, буквально стирая их из бытия. Даже сейчас один из моих одноклассников носит карандаш, который ему хватит на всю жизнь, при условии, что он ни в коем случае не сломает его пополам. Парень, вероятно, не знает, что стал пользователем моего первого в жизни эксперимента, и, скорее всего, никогда не узнает. Даже если я узнаю, куда делся этот карандаш, я, конечно, не стану ему говорить.

Позже, испробовав несколько разных идей с другими безобидными предметами повседневного обихода (включая неудачу с домашним тостером), я собралась изменить постель. Да, масштаб не впечатляет, но я еще не понимала своих пределов. Мне удалось усовершенствовать его, исходя из наиболее важной функции.

Другими словами, сон.

Я была невероятно благодарна за свою предусмотрительность, когда проснулась на следующий день после встречи с Лунгом, чувствуя себя хорошо отдохнувшей и такой свежей, как будто проспала полноценные, непрерывные восемь часов. Видите ли, именно такой эффект я установила на свою кровать: хотя и не потрудились протестировать его, чтобы узнать точный эффект, он исцелял и омолаживал тело и разум так же, как полноценный ночной сон всего за несколько часов. Думаю, что три часа, потому что мои различные типы заклинателей, как правило, сходились во мнении, что три - важное число.

Поэтому, когда я перекинула руку через плечо и выключила будильник, была вынуждена улыбнуться в подушку. Я не только проснулась с таким чувством, будто проспала всю субботу, но и головокружительное чувство гордости все еще щекотало мой желудок. Если бы я было собой пять лет назад, я бы, возможно, хихикала, смеялась и кричала.

Но та девушка была убита и похоронена своей лучшей подругой.

- О, боже, Тейлор, - простонала я. - Обязательно нужно испортить настроение, не так ли?

Сегодня понедельник. Понедельник означал школу. Школа означала мое личное трио мучителей, возглавляемое моим бывшей лучшей подругой, поддерживаемое подхалимкой и звездой легкой атлетики, поддерживающею дурную славу стереотипных спортсменов.

В пятницу я и моя сумка были залиты соком. Что они придумали на этот раз?

- Нет, - тихо сказала я себе. Я заставила себя сесть, позволив одеялу упасть с моих плеч, и отвесила себе сильную пощечину. - Нет. Ты победила Лунга. Ты расправилась с самым страшным злодеем в городе. Трио - ничто по сравнению с этим.

Этого было достаточно, чтобы приободрить меня, и с толикой гордости и уверенности, которые вселила в меня прошлая ночь, я скатилась с кровати и натянула спортивные штаны. Затем я спустилась на кухню, прихватив по пути свою обувь, и села за стол. Я уже наполовину натянула их, когда папа спустился вниз в халате и поношенных старых тапочках — я редко их видела, поэтому мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, что это последний подарок, который мама когда-либо дарила ему на Рождество.

- Доброе утро, детка, - поприветствовал он меня, войдя. Проходя мимо меня, он наклонился и поцеловал меня в макушку.

На одну паническую секунду я испугалась, что он почувствует запах горелого асфальта или чего-то в этом роде, но когда он продолжил свой путь без комментариев, я молча выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание.

- Доброе утро, папа.

- Похоже, у тебя хорошее настроение, - сказал он. - Так взволнована перед пробежкой?

- Просто... очень хорошо выспалась прошлой ночью, - ответила я. Это даже было правдой. - Мне также приснился хороший сон. Я отмузила Лунга.

Папа издал удивленный смешок, когда накладывал бекон, и мне пришлось подавить собственную улыбку. Папа почти не смеялся с тех пор, как умерла мама. Если честно, я тоже, но это имело такое же отношение к предательству Эммы, как и к большой дыре в моей жизни в форме смерти мамы.

- Что?

- В старом добром рыцарском стиле, - сказала я ему. Когда он повернулся ко мне, я вытянула одну руку, как будто держала меч. - Я достану тебя, мерзкий дракон!

Я сделала несколько преувеличенных движений запястьем, которые, даже без Зигфрида в моей голове, я знала, были позёрством и не имели никакого смысла.

- Ты его одолела? - спросил папа, ухмыляясь.

- Разделала как орех, - Я не смогла сдержать нотки гордости, прозвучавшие в моем голосе.

- Рад за тебя, - сказал он, возвращаясь к завтраку.

Мне до боли хотелось рассказать ему. Не в первый раз я подумала об этом. Действительно обдумывала это. Просто... выложи всё как на духу. Эй, папа, у меня есть супер способности.

Но я прикусила язык. Я привыкла что-то скрывать от папы, и это стало еще одной темой, о которой я абсолютно не могла ему рассказать. Он достаточно беспокоился о моих пробежках, о том факте, что у меня, похоже, нет друзей (и у меня их нет), о том, как ужасно обстояли дела у докеров, о наших финансовых трудностях, и я просто не хотела беспокоить его своими способностями. В конце концов, по той же самой причине, по которой я не сказала ему, что издевательства никогда не прекращались: это просто стало бы дополнением к его и без того полной тарелке.

- Можешь подать апельсиновый сок?

- Конечно, - сказала я.

Я направилась к холодильнику и достала апельсиновый сок, прихватив по пути крошечную упаковку яблочного пюре, одно из тех маленьких, одноразовых блюд, которые продаются в супермаркетах по полдюжины штук. К тому времени, как я вернулась к столу и взяла ложку для себя, папа уже перешел к французским тостам. Сладкий запах корицы и пьянящий аромат бекона, копченого с гикори, защекотал мне нос.

- Ты помнишь Джерри? - спросил папа через плечо.

- Не совсем, - сказала я, открывая упаковку своего яблочного пюре.

- Ты встречала его раз или два, когда навещала меня на работе. Крупный парень, мускулистый, тёмные волосы?

- Не припоминаю, - ответила я, не отрывая взгляда от ложки.

Если быть до конца честной, я действительно не могла вспомнить никого из папиной работы, кроме Курта и Лейси. С одной стороны, прошло много времени с тех пор, как я в последний раз приближалась к штаб-квартире Докеров или даже к офису моего отца, а с другой стороны, я с самого начала никого из них толком не знала. Не было никакого способа избежать сочувствия к их трудностям с трудоустройством — в конце концов, мой отец являлся начальником отдела найма, и, по сути, его работа заключалась в том, чтобы говорить всем, что на рынке нет рабочих мест, — но я не знала в лицо почти никого, кого он упоминал из работы.

- Ха. Ну, как бы то ни было, ходят слухи, что он нашел работу. Попробуй угадать на кого.

- Сдаюсь. Кого?

- Он записался один из приспешников Убера и Элита.

Я фыркнула.

- Что, в самом деле?

- Такие слухи, - сказал папа.

- Думаю, они заставят его надеть какую-нибудь сумасшедшую униформу? Как Трон, или Зельда, или что-то в этом роде?

Папа усмехнулся.

- Вероятно. Можешь представить себе такого крупного парня в платье?

Я не могла — или, по крайней мере, не Джерри конкретно, — но образ большого, грузного чернокожего мужчины, облаченного в ярко-розовое платье, все равно был достаточно нелеп, чтобы заставить меня рассмеяться, когда я накладывала себе первую порцию французских тостов.

Через несколько мгновений папа сел за стол, прихватив с собой остатки французских тостов и бекона, и пару минут мы просто ели в дружеской тишине. Отец и его дочь завтракают вместе. Не совсем так, как должно быть, потому что всё ещё не хватало одного человека, но это лучшее из возможного.

Когда я закончила, я встала и отнесла свою тарелку в раковину, чтобы помыть, прихватив по пути ломтик бекона. Я скорее почувствовала, чем увидела, как папина голова повернулась, чтобы последовать взглядом за мной.

- Значит, ты... собираешься на пробежку?

- Ага.

- Эм, - Папа был не особенно доволен моим утренним распорядком, но, если не считать некоторого символического сопротивления, он никогда по-настоящему не пытался меня остановить. - У тебя, э-э, есть, э-э...

- Да, у меня есть перцовый баллончик, - сказала я.

Чего я ему не сказала, так это, что я давным-давно модернизировала его, чтобы нарушить функцию сетчатки любого идиота, который примет на себя его заряд. Он бы почувствовал себя немного лучше, но тогда мне пришлось бы объяснить, как это удалось сделать.

Папа кивнул мне в знак признательности, как будто был удовлетворен, но я его дочь, и даже если мы не так близки, как до смерти мамы, я всё равно знала его достаточно хорошо, чтобы уловить скрытую тревогу.

На обратном пути я быстро обняла его, почувствовала, как он немного расслабился, затем вышла через боковую дверь и ушла.

— o.o.O.O.o —

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3030687>